

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

С.В. Гричин

ТЕКСТОСТРОИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРИЗАЦИИ

Рассматривается текстостроительная функция авторизации в научном дискурсе, реализующаяся в авторизационных моделях. Анализируется содержательная сторона авторизуемых высказываний. Показывается взаимодействие авторизационных конструкций между собой в пространстве текста. Демонстрируется эпистемическая сущность авторизации. Делается вывод о возможности изучения авторизации текста.

Ключевые слова: дискурс, авторизация, авторизационные рамки, текстообразование.

Настоящая работа посвящена описанию реализации авторизационных установок в научном дискурсе современного русского языка и их роли в организации текста научного произведения. Исходя из того, что текст научного произведения отражает коммуникативно-познавательные и познавательноречевые действия автора, направленные на получение нового знания и фиксацию его в тексте, эти действия автора находят воплощение в различных регулярно воспроизводимых текстовых образованиях, характеризующихся типовым смыслом. В некоторых работах, посвященных анализу дискурса, эти действия и воплощающие их текстовые структуры называются субъектами, в других – речевыми актами (а также коммуникативными блоками, текстовыми единицами – Е.М. Крижановская, Н.М. Лариохина, Л.М. Лапп). Ниже речь пойдет о моделях развертывания авторизации в тексте научного произведения (на материале научной статьи) и реализации на этой основе ее текстостроительной функции.

По словам Е. Задворной, «анализ различных типов дискурса показывает, что содержательная специфика и степень значимости основных эпистемических сущностей (таких как знание, мнение, вера, факт) и процедур (таких как верификация, истинностная оценка и под.) обнаруживает сильную зависимость от дискурсивной «системы координат» [1]. По-видимому, любой тип дискурса базируется на специфической иерархической системе когний, каждая из которых получает в конкретной дискурсивной практике своеобразное семантическое наполнение. Так, научный дискурс конституируется как дискурс *знания* (причем последнее реализуется не только как собственно фактуальное знание, но и как обоснованное, верифицированное *мнение*).

Представляется, что наблюдения за авторизацией могут пролить свет на особенности формирования тематических текстовых макроструктур, воплощающих в тексте новое знание, выражение ими коммуникативно-познавательных действий и в конечном счете определить текстостроительную функцию авторизации в научном дискурсе.

В определении познавательнo-коммуникативных действий будем исходить из двух составляющих: объективной и субъективной. К субъективной

составляющей отнесем первичный авторский замысел, конкретизирующие его части, способы такой конкретизации, поскольку любая деятельность, в том числе текстовая, «предполагает достижение ряда конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью» [2. С. 105]. К объективной отнесем традиционно формируемые в научном дискурсе коммуникативные блоки научно-речевого произведения, отличающиеся, по замечанию В.Е. Чернявской, значительной степенью стандартизованности: обоснование актуальности проблемы, характеристика объекта исследования, описание хода эксперимента и др. [3. С. 63].

Очевидно, что содержательные и коммуникативные блоки текста, реализующие познавательные-коммуникативные цели автора научного произведения, следует рассматривать, во-первых, на достаточно протяженном текстовом материале, позволяющем отчетливо выделять их границы и отмечать их смену, и, во-вторых, во взаимосвязи, которая объясняет обусловленность выбора тех или иных воплощающих их языковых средств. Поэтому область авторизуемого, рассматриваемая как содержательно-коммуникативный блок текста, для наших целей должна быть, так сказать, выше уровня предложения, несмотря на то, что в известном смысле авторизация представляет собой структурно-семантический план именно предложения, поскольку, по нашей гипотезе, авторизация может быть средством, с помощью которого автор управляет вниманием адресата таким образом, что описываемый (авторизованный) объект воспринимается, во-первых, как авторизованный не случайно и, во-вторых, во взаимосвязи с другими авторизованными объектами, т.е. максимально целостным. В связи с этим будем различать авторизацию предложения и авторизацию текста.

Необходимо отметить, что изначально авторизация была представлена как категория, реализующаяся на уровне предложения. Однако в некоторых работах встречаем и более широкое ее понимание, основанное на текстовом подходе к ее изучению, допускающем, что модальность (авторизация – модальная, модусная категория) может быть как фразовой, так и текстовой.

Так, И.Р. Гальперин, описывая текстовую модальность, определяет ее через приемы автора текста, к которым относит интеграцию частей текста и их сцепления, использование образных средств (эпитетов), способы переакцентуации предикативных и релятивных отрезков текста, включение в ткань повествования автосемантических предложений: «Если фразовая модальность выражается грамматическими средствами или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым образом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и ряде других средств» (подчеркнуто нами. – С.Г.) [4. С. 115].

Подобного представления придерживается и Г.Л. Солганик, согласно мнению которого модус – «это не обязательно часть конструкции, а особый слой синтаксического значения, связанный с принадлежностью высказывания говорящему» [5. С. 177], и поэтому модус одного высказывания может распространяться и на соседние высказывания, обеспечивая таким образом

связность текста, более того, «в чисто структурном отношении средства субъективной модальности выполняют роль центра построения речи» [5. С. 181].

Ценными для настоящего исследования являются также замечания о разных типах модальности, сделанные З.Я. Тураевой. «Модальность высказывания характеризуется мономодальностью (субъект оценки не изменяется). Для текстовой модальности возможна полимодальность – субъект может неоднократно меняться» [6. С. 111]. «Авторизующие конструкции занимают немаловажное место среди других средств, участвующих в передаче категории модальности. <...> Авторизующие конструкции непременно бимодальны, так как в авторизуемой части содержится... информация о событиях, совершившихся в реальном или возможном мире. В авторизующей части содержится суждение об этом событии. Она коррелятивна ментальным процессам субъекта оценки, восприятия или констатации явления. Это значение наслаивается на модальность фрагмента текста или целого текста» [7. С. 100–101].

О.Н. Копытов в своем диссертационном исследовании выделяет разные подходы к описанию модуса высказывания и модуса текста. По мнению автора, текстовый анализ модуса требует: «а) определения радиуса действия модусного значения; б) конкретизации значения в перспективе текста; в) определения коммуникативно-функциональных взаимодействий модусных значений; г) определения интенций автора, типических и индивидуальных; д) прогнозирования (определения) особенностей восприятия модусного значения адресатом [8. С. 64]. Однако автор не раскрывает механизм расширения такого радиуса, ограничиваясь указанием лишь на возможный радиус действия взаимодействия авторизации и персуазивности.

Одним из путей выхода модального (модусного) значения авторизационных показателей с уровня высказывания на уровень текста является расширение радиуса действия авторизации за счет организации коммуникативно-функциональных взаимодействий авторизационных конструкций. Под радиусом действия будем понимать объем распространения авторизующего значения авторизационной конструкции. Первым, минимальным радиусом действия, разумеется, будет уровень высказывания, равный синтаксическому предложению. Сюда относятся практически все случаи эксплицитного выражения авторизации, при этом сами авторизационные конструкции вписываются в грамматическую структуру предложения. Этот уровень можно назвать первичным, поскольку появление термина в лингвистическом обиходе связывается именно с «планом предложения»: авторизационные конструкции вне предложения представить невозможно.

Следующий по длине радиус действия – несколько высказываний, или часть текста. Проиллюстрируем это отрывком из статьи Р. Ницоловой «Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (2006. № 4. С. 35): *В последнее время в типологических работах нередко **высказывается мнение**, что адмиративность и эвиденциальность – это две разные семантические и грамматические категории. При этом следует учесть, что **имеются в виду** не только языки, где существуют различия между адмиративностью и эвиденциальностью, но и языки, где*

эти категории не связаны между собой. <...> Несомненно, с **семантической точки зрения** адмиративность и эвиденциальность различаются, так как эвиденциальность указывает на источник информации говорящего, а адмиративность маркирует информацию как новополученную и неожиданную, т.е. в данном случае налицо эпистемическое модальное значение в широком смысле слова. С другой стороны, болгарский язык, как и другие балканские языки, выражает адмиративное значение эвиденциальными формами, что **свидетельствует** об определенной близости между двумя категориями. <...> Заслуживает внимания **мнение В.А. Плунгяна**, что адмиратив существует в балканских системах не потому, что они маркируют эвиденциальность, а потому, что в этих языках налицо тенденция к маркированию эвиденциальности в сочетании с модальностью.

Целостность данного отрезка текста обусловлена главным образом двумя факторами: тематической целостностью (общностью) и единством речевой стратегии – при выяснении разницы между адмиративностью и эвиденциальностью показать существующие взгляды на эту проблему. В рассматриваемом отрезке текста авторизующая конструкция первого предложения *высказывается мнение* оказывается только первой в ряду других конструкций со схожей семантикой (мнение, точка зрения). Показательно оформление данного отрезка текста авторизационной рамкой (здесь и далее под авторизационной рамкой будем подразумевать обрамление отрезка текста с обеих сторон авторизующими конструкциями со схожей семантикой): **высказывается мнение – мнение В.А. Плунгяна**, в которой прослеживается переход от общего к частному (общее мнение – мнение конкретного ученого), отражая, таким образом, динамику хода рассуждения/процесса познания. Как видно из приведенного отрезка текста, авторизуемыми объектами становятся ключевые понятия освещаемой проблемы, *адмиратив, эвиденциальность и язык*, т.е. понятия, обозначенные в заголовке статьи. Семантика авторизующих конструкций (мнения ученых) не осложнена оценочными значениями (персуазивность), что также свидетельствует в пользу целостности данного отрезка (переход к их разбору и оценкам – предмет следующих композиционных частей) и отражает соответствующее коммуникативное намерение автора. Коммуникативно-функциональное взаимодействие авторизующих смыслов заключается в отражении авторизацией содержательных элементов текста, «возвратно-поступательном» движении от общих к специфическим чертам описываемых объектов: общее мнение > семантическая точка зрения > мнение отдельного ученого. Интенцией автора можно считать знакомство читателя с существующими трактовками рассматриваемых понятий, введение в проблематику работы.

На материале некоторых типов научных произведений можно наблюдать еще более широкий радиус действия авторизационных конструкций. К числу таких типов научных произведений относятся обзоры, обобщающие статьи и другие работы, идейно-композиционным стержнем которых является узкая проблема и разносторонний взгляд на ее изучение и решение. Такой идейно-композиционный стержень формируется авторизационными конструкциями отдельных структурных элементов текста, обладающими схожей семантикой. На материале целой статьи представляется возможным говорить не столько

о радиусе действия одной авторизационной конструкции, сколько о взаимозависимости и взаимообусловленности этих конструкций в пространстве текста, где они становятся своеобразными скрепами сквозной линии развития идеи научного произведения.

В качестве примера приведем статью А.А. Залевской «Психолингвистический подход к анализу языковых явлений», опубликованную в журнале «Вопросы языкознания» (1999. № 6). Начало статьи содержит несколько авторизующих конструкций подряд (первый абзац):

В классической работе акад. Щербы [Щерба 1974] содержится ряд положений, очень важных для понимания различий в подходах к анализу языка с позиций разных наук. Как следует из названия этой работы, Л.В. Щерба полагал, что он выделил три аспекта языковых явлений, под первым из которых им понимались процессы говорения и понимания, или речевая деятельность, ... При этом было подчеркнуто, что речевая деятельность обуславливается сложным речевым механизмом человека, или психофизиологической речевой организацией индивида... Такое вынесение речевой организации за рамки обсуждаемой триады в качестве фактора, обуславливающего и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе, позволяет заключить, что фактически Л.В. Щерба выделил не три, а четыре аспекта языковых явлений [Залевская 1977: 4].

Как видим из приведенного отрезка текста, равного первому абзацу, он также оформлен авторизационной рамкой, отражающей динамику познавательного процесса: от мнения основоположника-классика рассматриваемой теории к частному мнению (возможны другие варианты развития авторской стратегии). Последнее предложение статьи: *Более подробно различные особенности психолингвистического подхода к анализу языковых явлений (в том числе значения слова как достояния индивида) обсуждаются в книге [Залевская 1999].* Мы видим, что авторизационная рамка обрамляет не только первый абзац, но и все научное произведение, отражая единую стратегию: от общего (классического) к частному (представления отдельного ученого, в данном случае – автора работы). Оформленная по единому принципу авторизационная рамка придает стратегии научного произведения определенную завершенность, резонанс, который, в свою очередь, поддерживается авторизующими конструкциями структурных частей текста, находящимися в «сильной» позиции. Например, в начале очередного абзаца:

Абзац 2: *Л.В. Щерба четко разграничил понятия механизма (= речевая организация человека) и процесса (= речевая деятельность), процесса и его продукта (ср., например, первый и третий аспекты языковых явлений). Схема на рис. 1 наглядно представляет соотношение между названными выше четырьмя аспектами языковых явлений с последовательным разграничением понятий механизма и процесса, процесса и продукта.* Абзац 3: *В работе [Залевская 1977: 6–9] внимание акцентируется на следующих важных моментах: 1) речевая организация человека понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система...* Абзац 4: *Рис. 1 показывает, что становление и упорядочивание речевой организации человека как самоорганизующейся системы особого рода происходит в процессе речевой (точнее – речемыслительной) деятельности. Аб-*

зац 6: *Вспомним, что (по Л.В. Щербе) речевая организация представляет собой своеобразную переработку речевого опыта, которая происходит в соответствии с психофизиологическими возможностями и закономерностями.* Абзац 14: *Из приведенных положений, в частности, вытекает, что становление речевой организации человека связано со «своеобразной переработкой» не только речевого, но и всего многогранного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром (о роли образа предметного мира в пользовании языком см. подробно [Леонтьев 1997]).*

Интересными представляются наблюдения над содержательной стороной авторизуемых высказываний и внутри частей текста, обрамленных авторизационными рамками. Высказывания, подвергнутые авторизации, содержат описание понятий, связанных с ключевыми понятиями научного произведения тесной семантической связью (психологический аспект языковых явлений – язык, концепт как продукт концептуализации, происходящей в голове человека, т.е. как процесс психологический и т.д.): *В-четвертых, приведенные выше высказывания Н.И. Жинкина акцентируют внимание на ряде очень-очень важных особенностей пользования языком.... Таким образом преодолевается типичное для лингвистики наделение языка статусом самодовлеющей сущности и признается, что язык у пользующегося им человека составляет лишь одну из сторон целостной психики субъекта [Брушлинский, Сергеенко 1998: 6]); Это (процесс переработки речевого опыта человеком, – С.Г.) в свое время наглядно показал Н.И. Жинкин: «...человек слышит слова, состоящие из звуков...; В качестве продуктов концептуализации <...> обычно рассматриваются концепты как базовые когнитивные сущности, позволяющие связывать смысл с употребляемым словом [Ришар 1998: 15].*

Еще один интересный способ взаимодействия авторизационных конструкций на уровне текста – их ступенчатая организация. Она заключается в том, что начало каждого последующего абзаца текста начинается с конструкции с близкой семантикой, например выражения мнения ученого (ученых): *М. Тернер полагает, что разграничение объективного и субъективного значения связано с концептуальной метафорой, согласно которой мы трактуем мозг в виде контейнера. Начало следующего абзаца: С других позиций под-ходит к обсуждаемой проблеме В.П. Зинченко, подчеркивающий, что не только в антологии, но и в гносеологии противопоставление объективного и субъективного является грубой ошибкой [Зинченко 1997: 10, 21].* И третий абзац в этой связке: *Еще один возможный подход к проблеме соотношения субъективного и объективного предложен в работе [Залевская 1992], где в общетеоретическом плане вместо диады язык... Наблюдается последовательная детерминация семантики авторизующих конструкций и общей темы группы высказываний, на которых распространяется влияние этих конструкций. Приведенные конструкции вводят информацию, относящуюся к разным взглядам на одну и ту же проблему, таким образом, объект авторизации можно «редуцировать» до понятия «трактовка».*

Переходы от одного содержательно-коммуникативного блока к другому сопровождаются указанием на соответствующее изменение когнитивных установок, маркером чего могут быть авторизующие конструкции. В практике

анализа художественного произведения подобные маркеры называют хроно-топическими, они указывают на изменение временного либо пространственного плана в повествовании [9. С. 21]. В научном же дискурсе они указывают на смену угла рассмотрения той или иной проблемы. На наш взгляд, следует проводить различие между понятиями «авторизационный ключ» и «эпистемический маркер». Общим содержанием этих понятий является то, что они обозначают смену источника информации. Авторизационный ключ определяется уже на уровне части высказывания, это определение связано с идентификацией смены авторизатора. Эпистемический маркер идентифицируется только обращением к содержательному анализу дискурса, он вводит (авторизует) принципиально иную, новую информацию, новое знание. Приведем примеры эпистемических маркеров в рассматриваемом тексте научного произведения, выделяемых на основе содержательного элемента «речевая организация»:

Л.В. Щерба (разграничил)

(по Л.В. Щербе)

В работе Залевской [1977: 6–9] внимание акцентируется

Рис. 1 показывает

Высказывания Н.И. Жинкина акцентируют внимание

[Брушлинский, Сергиенко, 1988: 6]

[Ребеко, 1998; Зинченко, 1997; Sternberg, 1996]

Понятия механизма, процесса и его продукта

Своеобразная переработка речевого опыта

Взаимодействие между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктом

Становление и постоянное упорядочивание речевой организации человека

Язык – средство выхода на образ мира, разные формы репрезентации мира

Одна из сторон целостной психики субъекта

Постоянное взаимодействие в процессах речемыслительной деятельности и общения

Примечательно, что все приведенные авторизирующие конструкции – эпистемические маркеры – вводят дополнительную характеристику ключевого понятия «речевая организация», которое является стержнем развития содержания текста. Авторизируемые части становятся при этом микроэпизодами (микротемами), суть которых – выделить отдельный аспект в рассмотрении проблемы, акцентировать внимание читателя на какой-то отдельной важной характеристике описываемого явления. В то же время отдельность каждого из этих аспектов как бы снимается сопоставлением с другими авторизованными компонентами. Раскрывая суть явления, автор делает это в определенной последовательности и учитывая взаимообусловленность компонентов описываемого. При этом в последовательности приводимых характеристик сторон вскрывается некая внутренняя закономерность этого явления, образуется определенный смысл.

В описании главной проблемы статьи также прослеживается несколько микротем, конкретизированных обращением к мнению, взглядам других исследователей и оформленных в целостные содержательно-коммуникативные блоки через авторизацию. Все они тесно связаны и активно участвуют в создании объективного представления об описываемом ими куске действительности, формируют объем понятия. Разные значения, которыми наделяют авторы это понятие, различный вкладываемый в них смысл образуют сложный семный состав (семную структуру) и в итоге входят в парадигму науки. На материале рассматриваемой статьи А.А. Залевской их можно представить следующим образом:

Психологический подход к анализу языковых явлений:

Л.В. Щерба

Три аспекта языковых явлений:

- 1) процессы говорения и понимания;*
- 2) акты говорения и понимания;*
- 3) совокупность всего говоримого и понимаемого*

С других позиций подходит к обсуждаемой проблеме В.П. Зинченко, подчеркивающий, что

не только в онтологии, но и в гносеологии противопоставление объективного и субъективного (в анализе языковых явлений. – С.Г.) является грубой ошибкой

(см. подробнее: [Залевская, 1998])

Это психологическая структура значения слова или психологическое значение слова, что исследуется при ассоциативном, параметрическом, признаковом, прототипном, ситуативном и других психолингвистических подходах к значению

И переход к авторскому видению проблемы: *Базирующиеся на этой концепции представления о процессах включения идентифицируемого слова и многоаспектный внутренний (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст во взаимодействие с внешним (вербальным, ситуативным) контекстом описываются через спиралевидную модель [Залевская 1988], согласно которой реализация различных функций слова в тексте <...> может быть представлена в виде двунаправленной спирали... (см.: [Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998]).* И далее, последнее предложение рассматриваемой статьи: *Более подробно различные особенности психолингвистического подхода к анализу языковых явлений (в том числе слова как достояния индивида) обсуждаются в книге [Залевская 1999].* Здесь мы видим «глобальную», или макроавторизационную рамку типа «заголовок – финал» текста.

Изображение научной картины, научного явления не было для автора изначально самодостаточным или случайным. Нюансировка авторизующими конструкциями отражает внутреннее видение автором проблемы и в конечном итоге связана с главной мыслью научного произведения. Эта связь про-

является во взаимообусловленности семантики авторизующих конструкций и их повторах, смысловом наполнении авторизованных блоков, образовании рамок. Каждое обращение к новому источнику добавляет смысловые оттенки в осмысление рассматриваемого явления либо приводит к переосмыслению старых фактов, другому отношению к последующему тексту, каждой авторизуемой части отведена определенная ниша в аранжировке целостной картины развиваемой идеи, что в целом формирует идейную (эпистемическую) основу текста. Так же как в тексте художественного произведения слово, «являясь центральным, организует группу тематически и ассоциативно связанных слов» [9. С. 49], так и авторизованные компоненты «наращивают», раскрывают всю полноту своего значения, свои функции через определенные привязки, в роли которых выступают авторизующие конструкции – эпистемические маркеры. В то же время научный дискурс, в отличие от художественного, имеет некоторые присущие только ему особенности. Если в тексте художественном группы ключевых слов образуют цепочку предметных деталей, формируют наглядно-изобразительные пространственные ряды и эти реалии не сопровождаются подробной внешней описательной характеристикой за счет так называемого семантического ореола или ассоциативного поля слова («Отказ от многословных описаний в художественном произведении во многом опирается на общеизвестность представлений, ассоциаций, вызываемых словом (подчеркнуто нами. – С.Г.), а писатель считает возможным не давать развернутого представления предмета, явления, его подробной характеристики, ограничиваясь их названием, что само по себе вызывает наглядный образ и связываемый со словом комплекс разного рода ассоциаций» [9. С.49], то научный дискурс, пожалуй, более «внимателен» к вопросам авторства, источника, требует большей развернутости. Во всем этом нами усматривается текстостроительная функция авторизации, формируется определенное диалектически обусловленное единство делимитационных и когезивных тенденций к авторизации.

В целом проведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы:

1. Авторизующие конструкции могут проявлять своеобразную «семантическую экспансию», выходя за уровень высказывания на уровень текста, где могут взаимодействовать между собой, включаясь в процесс текстообразования.

2. Эпистемическая сущность научного произведения (научной статьи) на всем его протяжении развертывается через комбинаторику авторизующих конструкций и содержания авторизуемой информации. Тематические макроструктуры, заключенные в авторизационные рамки, сохраняют свою целостность благодаря «дополнительной поддержке» авторизационных конструкций со схожей семантикой других тематических макроструктур.

3. Авторизационные рамки имеют свойство отражать динамику хода рассуждения автора, особенности познавательного процесса. Наиболее распространенными вариантами авторизационных рамок текста научного произведения являются следующие: правая авторизационная конструкция вводит информацию, соотносящуюся с левой частью по признакам а) противоположности, б) широты – узости, в) части – целого, г) чужого – своего.

4. Смена авторизационного ключа может быть маркирована эпистемическим ключом. В таких случаях авторизация проявляет свою делимитативную функцию. Отсутствие такого маркирования говорит об адгезивных свойствах авторизации.

5. Реализуясь в описанных моделях, авторизующие конструкции могут не только создавать особую структурную и смысловую организацию текста, но и обладать определенным прагматическим эффектом, управляя вниманием реципиента.

Текстообразующие функции авторизации и особенности организации авторизующих структур в различные модели требуют дальнейшего исследования.

Литература

1. *Задворная Е.* Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна // RESPECTUS PHILOLOGICUS. 2003. № 3; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/zadvornaja.htm>
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
3. *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста: Учеб. пособие. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
5. *Солганик Г.Я.* К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: Виноградовские чтения XII–XIII. М., 1984. С. 174–186.
6. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.
7. *Тураева З.Я.* Семантика художественного текста и модальность // Текстовый и синтаксический уровни стилистического анализа. Л., 1989. С. 93–103.
8. *Копытов О.Н.* Взаимодействие кваликативных модальных смыслов в тексте: авторизация и персуазивность: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: РГБ, 2003. 184 с.
9. *Художественный текст: Структура. Язык. Стил*ь / Вознесенская И.М., Гулякова И.Г., Дымарский М.Я. и др.; Под ред. К.А. Роговой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 182 с.